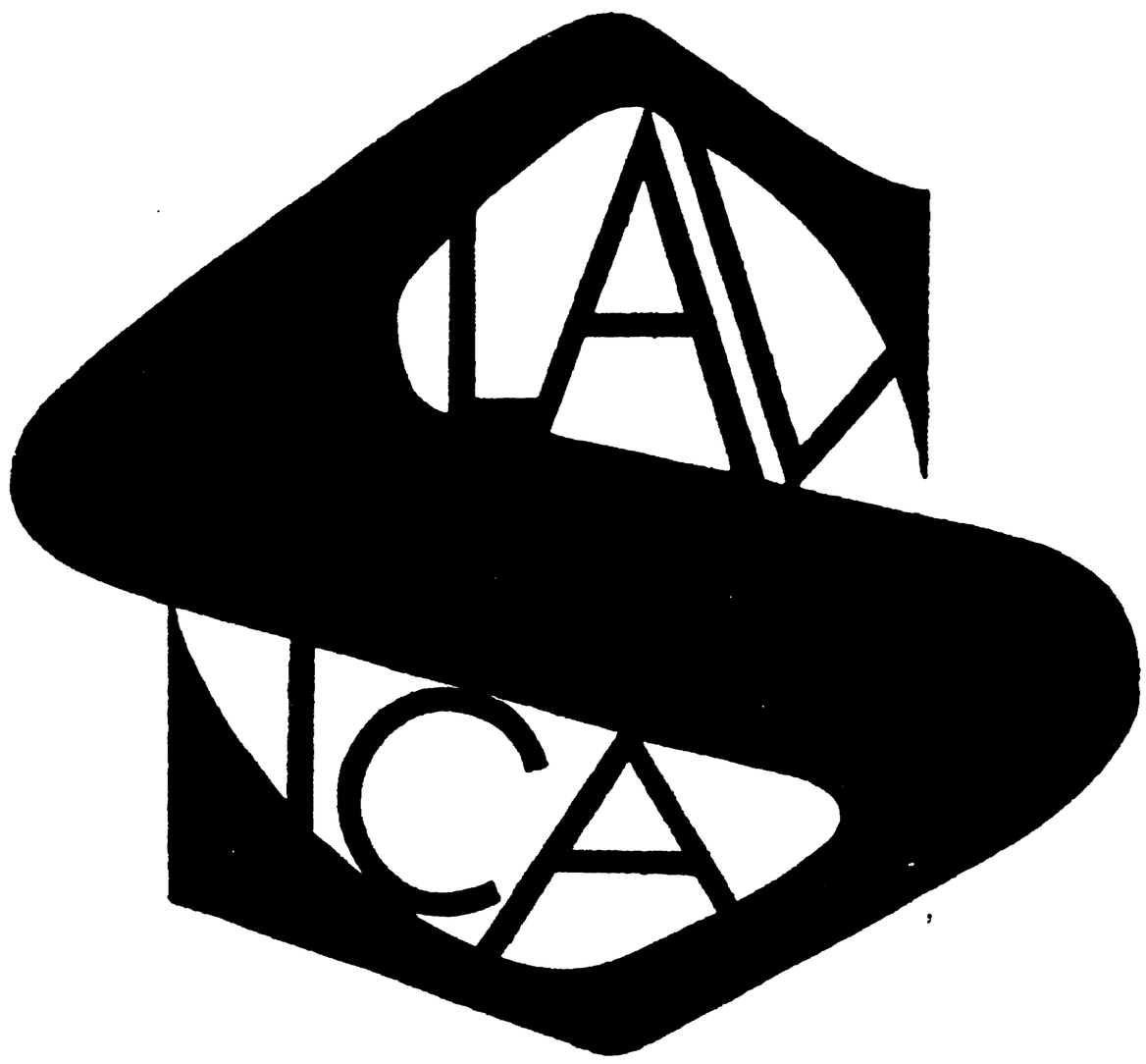
SLAVICA

RUSSIES
РОССИИ

Mélanges offerts à
GEORGES NIVAT
pour son soixantième anniversaire

Rassemblés par
Aminadav Dykman et Jean-Philippe Jaccard



ÉDITIONS L'AGE D'HOMME

Марк Харитонов

МОЙ ВЕК

1

Вопрос знаменитой анкеты Марселя Пруста: «Где бы вы хотели жить?» может иметь не только пространственное, но и временное измерение: *«В каком времени вы бы хотели жить?»* – спросил меня однажды полувсерьез-полушутя знакомый профессор К.

Вопрос имеет смысл. Булгаков, должно быть, не случайно увидел своего Мастера в обители покоя с моцартовской косичкой: восемнадцатый век, золотая пора Просвещения – пристрастие к этому времени что-то говорит и о самом писателе.

Я тогда работал над повестью об Иване Грозном, только что перевел книгу С. Цвейга об Эразме Роттердамском, написал статью об «Уленшпигеле» Ш. де Костера. Эта эпоха – до середины XVI века, еще на вершине Возрождения, но уже в начале Реформации и религиозных войн – связывалась для меня помимо прочего с творчеством любимых художников, Брейгеля, Кранаха, Гольбейна, Босха – и казалась порой какого-то необычайного, драматичного духовного напряжения. Я уже готов был сказать, как она мне близка (особенно, может быть, именно где-то там, в прирейнских краях) – но осекся.

Боже, хотел ли бы я в самом деле, *реально* там жить? Не говорю о жестокости, войнах, инквизиции, пытках – нет, но о цивилизации, о быте, о гигиенических представлениях... Наверно, стоит так поставить вопрос хотя бы для того, чтобы убедиться: человек XX века реально не смог бы и не захотел жить ни в каком другом.

2

Чудовищный, потрясающий век! Когда сейчас, под занавес, пробуешь окинуть его взглядом, дух захватывает, сколько он вместил разнообразия, величия, событий, насильственных смертей, изобретений, катастроф, идей. Эти сто лет по густоте и масштабу событий сравнимы с тысячелетиями; быстрота и интенсивность перемен нарастали в геометрической прогрессии. Перебирать нет смысла, каждый мысленно может попытаться сделать это сам – и задохнется от восхищения и ужаса, ощутив, что не в силах вместить всей полноты происшедшего с человечеством. Даже технических перемен не перечислишь: автомобиль, электричество, авиация, радио и телевидение, компьютеры... А ведь одновременно еще живут в джунглях племена чуть ли не из каменного века. Я сам еще застал избы, топившиеся по-черному, как столетия назад, и те же лапти, что носили наши пращуры.

На исходе минувшего века невозможно оказалось предсказать пути человечества: наивные попытки тогдашних прогнозов заставляют

нас, как взрослых, покачивать головами. Осторожно, ни за что не ручаясь, заглядываем мы за новый предел. Какие возможности, какие надежды, какие угрозы! И насколько все еще более непредсказуемо!

3

Да разве не ошеломили нас события хотя бы самых последних лет? Объединение Германии, распад Советского Союза и Югославии, предощущение новых сдвигов. Нам кажется это каким-то небывалым потрясением, катаклизмом. Но стоит оглянуться...

Европа Цезарей! С тех пор, как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних –
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта.

Мандельштам писал это под впечатлением начала Первой мировом войны. Впереди был распад Австро-Венгрии и Оттоманской империи, возникновение новых независимым стран; еще дальше – распад Британской и прочих колониальных империй; новый вид приобретала карта Африки и Азии.

Я предложил бы кинематографистам идею: перемены европейской политической карты за два тысячелетия, мультипликационное ускоренное превращение разноцветных пятен, переливчатые изменения конфигурации; образование княжеств и государств, слияния, раздробления, завоевания, расширения, распад. Бурление пенистого узора между морских камней.

Можно ли понять законы и смысл этого движения? Оно совершается не впервые и надо думать не в последний раз. В наших ли силах предотвратить его или направить?

Полезно взглянуть на историю именно в таком, тысячелетнем масштабе, напомнить себе, что государства так же не вечны, как люди. Изнутри истории это видится иначе – потому что проживаем мы лишь свою короткую, единственную жизнь. Вот в чем проблема.

4

Как просто было в заводи «застойных» времен, когда мы действительно чувствовали себя вне истории, когда ничто не двигалось, не менялось, стояло колом – как просто было философствовать о причинах и природе минувших событий, об истоках революций, об ошибках правителей, о слепоте современников! Как очевидно была нам все, во что они тыкались, точно слепые щенки!

С таким чувством смотришь фильм о временах надвигающейся и даже уже совершающейся катастрофы. А они там, внутри, будто не сознают, что их корабль вот-вот потонет, они занимаются житейскими пустяками, говорят о пустяках, переживают из-за пустяков. Мы-то об

этом уже знаем, нам дал понять режиссер.

Или читаешь вот это, из «Доктора Живаго»: «Нависало неотвратимое... Кругом обманывались, разглагольствовали. Но доктор видел жизнь неприкрашенной. От него не могла укрыться ее приговоренность... Он понимал, что он пигмей перед чудовищной махиной будущего...»

Быть может, никогда эти страницы не читались, как сейчас. Но ведь и Пастернак реконструировал свои предреволюционные ощущения время спустя, уже зная последующий ход событий и поневоле внося задним числом поправку.

А сейчас вот нас самих сорвало – и несет, кружит. Знать бы, куда вынесет. Если обернется все хорошо – каким поучительным, будоражащим переживанием покажутся нынешние тяготы! Как бы не так! Мы не успеваем осмыслить происходящего, нам не дано заглянуть в завтрашний день. Да если бы даже что-то поняли – история не в нашей власти, она творится столкновением многих сил, как водоворот создается столкновением течений. И так же, как те, на экране или в книге, мы судачим о ценах и о политиках, мы волнуемся в очередях, что-то выгадываем, чиним, латаем, приспосабливаем для жизни – мы живем.

Москва

Achevé d'imprimer en octobre 1995
sur les presses de la Nouvelle Imprimerie Laballery
58500 Clamecy